

Олег Гура

УБРАТЬ ПРЕЗИДЕНТА

18+

Олег Гура
Убрать президента

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гура О.

Убрать президента / О. Гура — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1864-5

Всё начинается с того, что президент России Ельцин уходит в отставку и назначает вместо себя премьер-министра Путина. Астролог заявляет американскому президенту, что приход Путина к власти несёт серьёзные угрозы могуществу США. Директор ЦРУ и Шеф Пентагона намерены ликвидировать Путина с помощью секретного тектонического оружия, которое может вызывать мощнейшие землетрясения. В Сибири должен состояться Международный форум, и это очень удачное место для покушения, так как здесь находится Саянский сейсмический разлом и Саяно-Шушенская ГЭС. Но грозное оружие в Сибирь ещё необходимо тайно доставить.

ISBN 978-5-5321-1864-5

© Гура О., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

001	6
002	8
003	11
004	14
005	17
006	20
007	24
008	27
009	32
010	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Этот роман – плод фантазий автора, не имеющих никакого отношения к реальным событиям, к реальным словам и делам реальных или нереальных людей. Просто именно так представил ход событий, изложенных в романе, автор. Если бы они, конечно, произошли...

001

Викентьич с трудом открыл глаза. После вчерашней посиделки на сибирской заимке одного олигарха он, казалось, был ещё пьян. В комнате было светло. «День, – сообразил Викентьич. – Уже хорошо». Напротив кровати работал телевизор. На экране стрелки часов ритмично приближались к двенадцати. Голова гудела. Он увидел стоявший на столе гранёный стакан, наполовину полный. Или наполовину пустой. На экране появился Ельцин. Викентьич жадно глотнул из стакана. А из телевизора выстрелом прозвучало: «Я устал, я ухожу». Викентьич чуть не подавился. «Самогон. Видимо, вчерашние полстакана были лишними. Но что там говорит Ёлкин? Он что? Подаёт в отставку? Или мне снится?» – куча вопросов завертелась сразу в мозгу. Седовласый и очень уставший человек назвал имя исполняющего обязанности президента великой страны. Им оказался действующий премьер Владимир Путин.

«Ну, ничего себе денёк начался», – взорвалось в его голове. Викентьич стряхнул ноги с постели. Привстал. Тысяча звёздочек, кажется, сразу вспыхнули и закололи в глазах. Помутнело. Выждав паузу в пару минут громко вздохнул. Присел.

Владимира Путина Викентьич лично не знал. А вот с ушедшим в отставку Ельциным приходилось встречаться дважды. Впервые журналистская стезя натолкнула его в подмосковном Алабине, в гвардейской мотострелковой дивизии. Вот именно что натолкнула. Тогда после важного совещания в руководстве Вооружённых сил планировался пресс-подход к российскому президенту. Но что-то пошло не так, и стая журналистов заметила президента ещё до подхода к обозначенному месту. Ринулась к Ельцину мгновенно. Викентьич оказался в первых рядах этой толпы, и чуть не упёрся уже в самого Ельцина. Да, слава Богу, дубинистый телохранитель вовремя встал между ними. И Викентьич со всего размаха вмазался в бетонную его грудь своим небритым лицом. Честное слово, было больно. Но голосить было уже некогда. Ельцин начал говорить. Викентьич мгновенно включил диктофон и, заводя руку за громилу, выставил его перед президентом. Борис Николаевич очень громко возмущался попытками коммунистов снова захватить власть в стране, поэтому слюни летели из-за рта и обрызгивали ими не только Викентьича. «Но мы никакой власти им не отдадим. Шиш он получат на постном масле», – вскипел Ельцин и эмоционально сказанное подтвердил знакомым резким ударом – сверху вниз.

Крепкая рука президента ударила по вытянутой руке Викентьича, пальцы которого от неожиданности разжались и диктофон мгновенно упал вниз. «Такц», – издал он звук, шлёпнувшись об асфальт. «Так. Понимаешь», – отрубил Ельцин. Посмотрел на разбившийся диктофон, что-то хмыкнул и, развернувшись, ушёл.

Вторая встреча произошла опять у военных. В гвардейской Тульской дивизии воздушно-десантных сил. Дело происходило в жуткие морозы в ледяном круглом поле на стрельбище ВДВ. Викентьич, употребив из припрятанной фляжки для сугрева граммов сто, не спеша брел к палатке пресс-центра, как вдруг (а такое и бывает только вдруг) он увидел невдалеке Ельцина. Он, судя по всему, давал эксклюзивное интервью съёмочной группе канала ОРТ. Викентьич не раздумывая, бросился к ним, на ходу расстёгивая куртку и правой рукой доставая из внутреннего грудного кармана диктофон... Короче, пробежал он всего метра три-четыре. Кто-то подставил ему подножку, Викентьич с размаху растянулся лицом и всем телом в снегу, следом на него упало тело, как ему показалось весом килограммов в пятьсот. Викентьич крикнул, больше ничего ни произнести, ни крикнуть он не смог. Затем ему заломили руки и в ухо уверенно шепнули: «Тихо. Не двигайся. Молчи».

Потом, возвращаясь на военном автобусе в Москву, Викентьич в сотый раз уже с улыбкой пересказывал эту историю окружающим его коллегам-журналистам, выпивая тульскую водку и закусывая краснодарским салом в бутерброде на бородинском хлебу.

– Ты, правда, бежал к Ельцину, расстегивая куртку и на бегу доставая из-за пазухи диктофон? – громче всех хохотал полковник Каратаев, начальник пресс-службы ВДВ. – Ну, ты даёшь! Тебя ж могли пристрелить, ликвидировать, замочить! Ты хоть понимаешь, что в рубашке родился, герой?!

– Ну да, я герой, – скромно отвечал Викентьич. – Так за меня? Выпьем?! Пора!

Викентьич с улыбкой вспомнил те истории. Потом встал и пошёл будить Шевчену. Митя Шевченко спал в соседней комнате. Рядом с ним на прикроватной тумбочке стояла початая бутылка «Чивас Ригал». Впрочем, початой её уже назвать было сложно. На доньшке оставалось разве что на опохмелку, совсем чуть-чуть.

– Подъём, Митюля! Ты вот спишь, а в России новый начальник. Владимир Путин – наш президент!

002

В Овальном кабинете Белого дома в полутемноте на диванах развалились двое высоких статных и моложавых мужчин. Это были сорок второй президент США Уильям Джефферсон Клинтон и советник президента по национальной безопасности Джим Тенет. Третий мужчина, сгорбленный, суховатый, невысокого роста, лет восьмидесяти, неуверенно примостился на краю дивана. Он что-то монотонно шептал, закрыв глаза, когда два его собеседника внимательно вслушивались в его монолог.

– Так всё-таки кто победит на выборах? – не выдержал Клинтон. – Альберт Гор? Или этот выскочка Джордж Буш?

Видно было, что президент нервничает и его очень сильно раздражает манера разговора этого сгорбленного старичка. Каждый раз, когда Тенет приводил его в Белый дом, Билл Клинтон напрягался. Этого старичка звали Грин, и он был нештатным советником в команде Тенета, но, по сути, являлся главным экстрасенсом клинтоновской администрации. Должность эту всячески скрывали, она нигде не значилась, да и звали Грина в Белый дом только тогда, когда не знали сами, что предпринять.

Грин отвечать на вопрос президента не спешил. Он продолжал что-то монотонно шептать. И когда Клинтон уже готов был громко выругаться, Грин уверенным жестом левой руки остановил президента на полуслове:

– Я вижу, что победит Альберт Гор.

Президент удовлетворенно вздохнул. Но Грин тем же жестом снова его остановил:

– Но я также вижу, что президентом станет Джордж Буш.

– Это как? – почти одновременно удивились Клинтон и Тенет.

– Не знаю. Звёзды мне об этом не говорят, – негромко сказал Грин.

Выждав паузу, и вызвав очередной приступ ненависти у президента, Грин продолжил:

– Я не знаю, почему президентом станет Буш. Но я точно вижу, что угроза для Америки идёт не от него. Угроза идёт из России. Там президентом скоро станет человек, который нанесёт серьёзный удар по авторитету Соединённых Штатов. Это очень сильный и могущественный человек. Он не будет никому подчиняться. Скоро мы перестанем быть великой державой. Великой державой станет Россия. И Китай. Сначала надо решить проблему с Россией. Этот человек – главная ваша проблема на ближайшие два-три десятка лет...

– Это Путин? – после паузы произнёс президент.

– Да.

– Ты сказал, что он доставит нам проблему на два-три десятка лет?

– Да, я именно так и сказал.

– Но в России президент может избираться не более двух раз. По 4 года. То есть всего 8 лет... Вы не ошиблись?

– Нет, – уверенно произнёс старик. – Не ошибся.

Билл Клинтон задумался. Грин, действительно, никогда не ошибался в тех случаях, когда президент обращался к нему за прогнозом. Клинтон легко переизбрался на второй срок. У Клинтона удалась военная и политическая операция по уничтожению Югославии и формированию лояльных США режимов в новых балканских государствах. Грин даже предсказал провал миротворческой операции в Сомали.

Президент США также сразу вспомнил уверенные действия Путина в Чечне. Он вёл себя, действительно, уверенно и умел добиваться своего. Когда в сентябре 1999 года Ельцин убрал близкого к нему Степашина, и поставил премьером Путина, никто последнего хорошо не знал. Но за короткий срок новый премьер показал себя, как очень настойчивый и перспективный политик, лидер. Данные ЦРУ показывали, что Путин начал приобретать серьёзную популяр-

ность среди граждан большой страны. А сейчас Ельцин ушёл в отставку, и исполнять должность президента оставил Путина. По данным Госдепартамента и того же ЦРУ, Путин легко может одержать победу на предстоящих выборах президента России. А это не предвещало, по данным разведки, ничего хорошего для США.

– Хорошо. Я понял. Вы можете идти. Проводи его, Джим, – правое веко президента задёргалось. Он был явно взбешен.

Когда Тенет вернулся в Овальный кабинет Билл Клинтон стоял у окна. В кабинете был выключен верхний свет, горели только две большие настольные лампы у диванов в глубине комнаты.

– Это ты, Джим? – негромко спросил президент.

Джим Тенет кивнул, но промолчал.

– Я так и понял. Что ты скажешь о предсказании Грина? – Клинтон по-прежнему стоял у окна, спиной к рабочему столу.

– Грин никогда не ошибался раньше.

– Да, я это помню... И всё-таки? Как думаешь, что он хотел сказать?

– Вы о Буше?

– Нет.

– О Путине?!

– Да. Я думал сейчас о нём. Ельцин, хоть и алкоголик, каким был мой отчим, но он искренне любит Россию. Ельцин долго подбирал себе замену. Проверил Путина на Чечне. Удостоверился, что Путин – лучшая ему замена, и только тогда ушёл. Этот парень уверенный, его любят русские. И он точно победит на выборах...

– И он не будет так зависим от нас, как Ельцин? Вы это хотите сказать?

– Да. Это же сказал и Грин, но чётче. Грин сказал, что новый российский президент доставит кучу хлопот нашей стране. Вы тоже не сомневайтесь, что президентом станет Путин?

– Я верю Грину.

– И что же нам делать? Скажите мне, помощник по национальной безопасности президента Соединенных Штатов Америки! – Клинтон развернулся и внимательно посмотрел на Тенета.

Тенет промолчал. Президент отошёл от окна и сел за рабочий стол. Ещё раз внимательно посмотрел на помощника и продолжил:

– Знаешь, я несколько лет назад изучал историю русской революции начала двадцатого века. И меня очень сильно заинтересовала фигура близкого друга русской императрицы Григория Распутина. Интересная была личность, провидец, большой любитель женщин и их любимец, – Клинтон улыбнулся. – Так вот, Распутин предсказал смерть царской семьи, если его, Распутина, убьют родственники царя. Так и случилось. Сначала дворяне, дальние родственники Романовых, убили Распутина, а потом большевики расстреляли всю семью русского императора Николая. Распутин в своей книге писал, что два жестоких кровожадных князя будут воевать за Россию. Сначала победит один князь – князь нищеты. Я думаю, это князь по имени «советы». Но потом, пишет Распутин, в дом князя нищеты войдёт князь богатства и посеет там свои семена, которые вырастут и разорят эту землю. Так кончится власть первого князя, развалится империя тьмы. Джим, Вам не кажется, что это про создание и распад Советского Союза писал Распутин?

– Очень похоже, мистер президент. Рейган подмял под своё влияние Горби. А тот в свою очередь уже развалил СССР. Надо сказать, что князь нищеты особенно и не сопротивлялся, – рассмеялся Тенет.

– Да, Горбачёв сам того не понимая развалил великую империю. Ельцин довёл её полнейшего краха, до той ситуации, когда империя уже не должна возродиться никогда. И всё это было сделано с нашей помощью – мы посеяли в доме князя нищеты свои семена свободы, они

взросли, дали уже свои плоды... Но вот что меня беспокоит. Распутин в той же книге пишет, что наступит день, когда империя второго князя тоже рухнет. Потому что оба князя несли ошибочное знание, оба несли смерть. Даже их прах, писал Распутин, нельзя будет использовать для удобрения земли, на которой вырастет новое растение, растение третьего света.

– Мистер президент, я поражён. Вы, оказывается, неплохо знаете историю России, – Джим Тенет, действительно, был удивлён. – Но, я тоже кое-что знаю про ужасного русского провидца императорской семьи. Последние русские цари, как известно, жили в Санкт-Петербурге.

Тенет достал из бокового кармана пиджака небольшой блокнотик, открыл, на минуту заглянул в него и продолжил:

– Распутин также писал, что когда название Санкт-Петербург будет изменено, тогда прекратит своё существование российская империя. Так и случилось, когда город стал носить имя Ленина. Но Распутин также говорил, что когда этому городу будет возвращено прежнее имя, то над Европой разразится гнев Божий. Санкт-Петербург станет столицей новой России, и из её матки будет извлечено сокровище, которое окажет влияние на все земли.

– Да, я понимаю. Санкт-Петербург после революции был назван Ленинградом. Это было время тьмы. А в 1991 году он снова вернул своё прежнее имя... Но стоп! Что там Вы сказали в конце? Санкт-Петербург снова станет столицей? И из него появится новое сокровище?.. Ведь Путин родился в Санкт-Петербурге, да?!

– Да, мистер президент, в Ленинграде... И я не исключаю, что это, действительно, может быть сказано про него...

– Ладно, Джим, завели вы меня с Грином. И развели. Сознаюсь, я поддался на вашу уловку. Но поздно уже. Меня ждёт Хилари. Езжай и ты. Мистификацией займемся в следующий раз, – президент натужно улыбнулся, но было видно, как продолжает дёргаться его правое веко...

003

Специальный посланник директора-исполнителя Программы ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП) Йошка Фишман мчался на своем ярко-красном кабриолете по улицам экваториального Найроби. В столице Кении в январе было не очень жарко, градусов 25. Но после морозной и снежной Сибири, где ему пришлось встречать Новый год, Йошка с упоением наслаждался африканским летом. Фишман не любил мороз. Поэтому свою поездку в Хакасию, небольшую республику на юге Сибири, вспоминал с ужасом. Было очень холодно, ветрено, и почти всегда темно. И только крепкий русский напиток под экзотическим названием «самогон» навевал ему хорошие воспоминания. Приучили его к этому напитку новые русские друзья Викентьич и Митя, с которыми он случайно познакомился в небольшом городке Саяногорск. Именно с ними он и встречал Новый год в таёжном дворце русского алюминиевого олигарха. И именно там он узнал, что Борис Ельцин уже не российский президент. Всего несколько дней назад Фишман покинул холодную Сибирь, и, находясь сейчас в центральной Африке, уже практически забыл об этой поездке. Но акклиматизация давала о себе знать и напоминала о недавних морозах. Немного знобило.

Фишман ехал по Юнайтед-Нэйшенс-Авеню. Теплый ветерок нежно обвевал открытую голову, плечи, руки, грудь. Проехав мимо целого комплекса ооновских офисов, Фишман повернул направо и подъехал к трехэтажному стеклянно-бетонному зданию штаб-квартиры ЮНЕП. Здесь через сорок минут на совещании у директора-исполнителя ему необходимо будет доложить о результатах своей поездки в Сибирь.

Штаб-квартира ЮНЕП и находящийся вокруг здания прекрасный парк очень нравились Йошке. В Программе ООН по охране окружающей среды Фишман работал уже почти 10 лет. Начинать с должности помощника начальника директорской канцелярии и вот дорос до должности специального посланника. Эта должность очень хорошо соответствовала стилю жизни Йошки: не надо проводить время с утра до вечера в офисе, не нужно нести должностную ответственность за подчинённых, можно спокойно кататься по миру, наслаждаться этими путешествиями, и при этом иметь большое влияние на разных чиновников практически в любой стране.

В Сибирь Йошка Фишман ездил для того, чтобы проинспектировать готовность проведения в Саяногорске Международного форума по биологическому разнообразию в странах европейско-азиатского региона.

О проведении экологического форума в Сибири договорились президенты России и США с генеральным секретарём ООН 29 декабря 1997 года в Международный день биологического разнообразия. Была обозначена даже дата проведения – март 2000 года. Генсек ООН Кофи Аннан, помнится, пошёл на этот шаг только по личной и настойчивой просьбе Билла Клинтона. Уж очень тот хотел угодить своему российскому другу Борису, повадками которого напоминал русского медведя: также перекачивался при ходьбе, был неуклюж, медлителен, и также хорошо поддавался дрессировке. Несомненно, Клинтон считал себя хорошим дрессировщиком и лихо управлял Ельциным, подливая в стакан очередную порцию бурбона.

Потом уже на первом заседании организационного комитета форума, который проходил в Москве под руководством заместителя директора-исполнителя ЮНЕП, было решено, что форум пройдёт в городе Саяногорск на базе Саянского алюминиевого завода и заповедника «Саянский» с 15 по 18 марта 2000 года. Проходить он будет под эгидой ЮНЕП и Глобального экологического фонда, а организаторами форума станут российское Министерство экологии и природных ресурсов, заповедник «Саянский», финансово-промышленная группа «Сибирский алюминий» и правительство Хакасии. Тогда же было получено подтверждение, что в работе международного форума примет участие президент России Борис Ельцин.

В конференц-зале на втором этаже почти в полном составе собралось руководство ЮНЕП, были также представители ГЭФ и ООН. Йошка Фишман доложил собравшимся о готовности России к проведению форума. До его открытия оставалось почти два месяца. И, по мнению специального посланника ЮНЕП, почти всё уже было готово. Недалеко от Саяногорска в предгорье Саян в кратчайшие сроки был построен и уже находился в полной готовности к приёму участников форума специальный конгресс-центр «Гладенькая» с ви-ай-пи-отелем. Для проведения секционных мероприятий были также подготовлены площадки на Саянском алюминиевом заводе, на Саяно-Шушенской ГЭС, в администрации города Саяногорск. Несколько площадок было подготовлено также на базах Саянского заповедника в Абакане и в других районах Хакасии. Для журналистов был оборудован соответствующий международным стандартам пресс-центр в санатории «Жарки», который находился в трёх километрах от конгресс-центра. Четыре ресторана официально были аккредитованы для обслуживания участников и гостей форума. Дополнительно были зарезервированы Дом иностранного специалиста в Саяногорске и гостиница правительства Хакасии в столице республики. Аэропорт Абакана имел международный статус и готов был принимать до 12 бортов в сутки, в том числе тяжелейшие пассажирские и транспортные самолёты Боинг-747, Ил-86 и Ил-76. В качестве запасного был также подготовлен международный аэропорт «Емельяново» в Красноярске. Для сопровождения участников и гостей форума были подготовлены десятки туристических автобусов, 30 микроавтобусов и 60 автомобилей для гостей статуса ви-ай-пи. В резерве держалась автобаза правительства Хакасии. Российское министерство по чрезвычайным ситуациям держало в готовности 5 пассажирских вертолетов, два из которых могли использоваться в качестве санитарной авиации. В качестве волонтеров форума было уже набрано свыше тысячи человек.

– Правительство России и его партнёры свои обязательства выполнили на высоком уровне. Сибирь готова принимать форум уже сегодня, – резюмировал свой доклад Йошка Фишман. – Но есть один нюанс...

– Какой нюанс? – взволнованно спросил представитель ГЭФ.

– Форум в Сибири будет проходить уже весной. Но весна в Сибири также непредсказуема, как осень. Или зима. Или лето, – Йошка улыбнулся. – Возможно, будет ещё холодно. Очень холодно. Придётся согреться русской водкой.

Участники совещания в один голос рассмеялись. Эта шутка пришлась по нраву, видимо, всем.

– Ну, это не страшно. Русской водки у русских на всех гостей хватит, – вступил в разговор директор-исполнитель ЮНЕП. – А теперь серьёзно. Как вы помните, форум в Сибири был задуман как подарок русскому президенту Борису Ельцину.

Все участники совещания в ЮНЕП как по команде голосом или мимикой подтвердили, что эта договорённость им знакома.

– Так вот. Мы до сих пор не получили от российской стороны подтверждения, что в форуме будет участвовать новый президент России Владимир Путин. Время проведения форума совпадает с самой активной фазой его избирательной кампании. И администрация российского президента и правительство пока молчат. Переносить форум мы уже не можем. Но и президентские выборы в России также не перенесут. Кофи Аннан пообещал мне, что будет давить на Россию, постарается привлечь к этому президента США, но и нам необходимо также использовать свои механизмы давления. Без участия Путина форум в России будет принижен. ЮНЕП на это пойти не может. Нам очень важна наша репутация и наш авторитет. Поэтому, – директор-распорядитель внимательно посмотрел на Йошку, – Фишман, Вы снова должны вернуться в Москву. Вы должны добиться того, чтобы президент России подтвердил участие в нашем форуме. Вылетайте завтра. Если будет необходимо – потом в Москву вылечу и я.

Йошка Фишман не очень обрадовался такому заданию. Ему нравилась Африка, нравилась Кения, и нравился Найроби. Здесь он хотел немного отдохнуть и возвращаться в этот

жуткий холод в Москву совсем не хотелось. А отказаться от задания директора он не мог. Йошка развёл руками и молча кивнул. Как там, в пьесе у Чехова? «В Москву, в Москву». Но есть в этом и один плюс, подумал Фишман. По пути в Найроби у него сорвалась важная встреча в Париже с одним господином. Следовательно, эту встречу можно организовать по пути в Москву.

004

После православного Рождества юг Сибири обволокла непривычно теплая зима. Снега выпало немало, он был нежен и пушист. Охотничьи лыжи, хотя и были широки, проваливались в снегу, как в перине. Идти было непросто, но достаточно тёплая для января погода была на руку путешествующей по тайге троице. Олег Гура, которого все знали больше как Викентьича, Митя Шевченко (для своих – Шевчена) и их провожатый охотник Топой направлялись в Град Сварога. Хо́да до него, по словам Топо́я, по такому снегу – двое суток. Ночёвка была запланирована в таёжной охотничьей избушке на берегу Саяно-Шушенского водохранилища. Она хотя и находилась несколько в стороне от их намеченного пути, но всё-таки давала крышу над головой и тепло. А ночевать зимой в тайге у костра не рискнул даже опытный охотник и знаток этих мест Топой. Это как в берлогу к медведю на постой проситься, говаривал он. Митя и Викентьич не сопротивлялись. Тем более что в зимний поход на лыжах с ночёвкой они выходили в первый раз.

Викентьич находился в Хакасии по делам. Он работал в московском информационном агентстве «Постфактум» и прибыл сюда в составе столичной журналисткой делегации на Саянский алюминиевый завод. С Митей, журналистом местной телекомпании, познакомился на экскурсии по заводу, Потом знакомство закрепилось крепкими напитками в саяногорском ресторане «Меридиан», И, наконец, переросло в дружбу на заимке президента финансово-промышленной группы «Сибирский алюминий». Именно там, на заимке хозяина местного алюминиевого завода, и прослышал Викентьич от собратьев по перу о таинственном Граде Сварога, затерянном в глухой саянской тайге. Город этот, естественно, не был отмечен ни на одной общедоступной карте. А жили там уставшие от современного общества и ушедшие от него люди разной веры и разных профессий. Все они добровольно отреклись от прежней жизни, стали язычниками и вверили судьбу своему новому отцу Варфоломею. Никто из гостей заимки в Граде Сварога не бывал, о жизни его жителей знали только понаслышке. Поэтому разговор о нём быстро свернулся, но прочно закрепился в мозгах Викентьича. Как потом оказалось, не просто закрепился, а растёкся по всем нервам, кровеносным сосудам и лёгким, ныл в печени и зудел в поджелудочной железе. Для себя уже он решил, что нужно обязательно побывать в этом таинственном месте. Он уже представил даже репортаж о визите к затворникам, но на беду была зима. И добраться до сварожан, наверное, было совсем непросто. К счастью, помогла тёплая погода. И Митя смог уговорить своего знакомого хакаса Топо́я сходить вместе с ними в Град Сварога проводником.

Лыжный поход складывался как в стихотворении Пушкина. Было солнечно, безветренно и тепло. Бриллиантами на солнце искрился снег, не очень густой лес после обеда уже начинал синеть, ели под снегом зеленели и ручей, наверное, где-то подо льдом блестел. Викентьичу повезло. Он двигался в колонне третьим. Получалось, что шёл уже как по проторенной лыжне. Ближе к пяти вечера Викентьич, Митя и Топой подошли к небольшой избушке. С отвесной скалы внизу длинным рукавом разлёгся водохранилищем Енисей.

Дверь избушки была с замком, но он был открыт. Топой жестом пригласил спутников в избу. Внутри было темновато, маленькое окошко, выходившее на водохранилище, света пропускало мало, и с внешней стороны было зарешечено скобами. Топой, разыскав у печки большую свечу, зажёл её. Стало немного светлее. В избушке стоял стол, несколько добротных широких скамеек, полки с жестяными банками по всей левой стене, полати над печкой. Оглядев избу, Викентьич с радостью присел. Оказалось, что он очень устал. Ноги гудели. Хотелось развалиться. Но Топой по-хозяйски стал отдавать приказы:

– Викентьич, ты наберешь дров. Много. Чтобы хватило до утра. Я спущусь вниз и наберу воды. А ты, – обратился он к Шевчене, – разведай, что есть в избе съестного и разожги печь. Справишься?

Викентьич усердно занимался заготовкой хвороста и валяющихся в снегу деревьев. Далеко заходить не хотел. Уже хорошо стемнело. Но дров было не достаточно. Двигаясь вглубь тайги, он вышел на небольшую полянку, в центре которой разглядел громадный высохший ствол и уже собирался рубить его на дрова. Но тут же замер. Это было не высохшее или обгоревшее дерево. Это был громадный черный истукан, невероятным образом оказавшийся здесь. Он был выше Викентьича раза в два, по всему телу этого каменного изваяния шли непонятные нездешние узоры, а в центре этого чудовища на него изучающее смотрели три странных глаза, которые он не видел никогда. Они не были человеческими. Но они не могли принадлежать и зверям. И эти глаза вдруг загорелись лунным светом.

Они ослепили неярким, но жгучим светом и прожгли холодом всё внутри. От возникшего страха захотелось кричать, но всё тело сковало колючим хрупким льдом и из горла Викентьича по тайге начали выстреливать непонятные и громкотрескучие шлепки. Это было ужасно, и Викентьич не понимал, что происходит сейчас с ним. Викентьич бы и дальше продолжал нелепо кричать, но рядом очень кстати оказался Топой. Он с размаха ударил Викентьича ладонью по голове, уложил его в снег и усиленно стал растирать его уже замолчавшее лицо мохнатым свежим снегом и только потом тихо сказал:

– Спокойно, дружище, это я. Перед нами не леший. Это старый лесной менгир. Я тебе про него потом расскажу. А сейчас уже пора – нас Митя давно ждёт.

Викентьич послушно кивнул головой, и они вместе пошли в избу.

Три часа спустя в натопленной и, как показалось Викентьичу, уютной избе троица путешественников неспешно откушала разогретую тушёнку с хлебом, запив обильно её горячим чаем с таёжной травой. И со смехом вспоминала встречу Викентьича с таежным менгиром. Спиртное Топой категорически брать в дорогу запретил: «Чтоб ни грамма, ни запаха, ни-ни. Иначе затворники нас не примут, отправят обратно. На это дело у них разговор крутой».

Делать было нечего. В печи трещали поленья. На столе горела большая, несколько раз плавленная и заново отлитая, свеча. За окном давно стемнело, ветер завывал и запевал. Постанывал лес, крихтел и вздыхал. В тайге кто-то охал, ухал, сипел и мычал. В избе молчали. Каждый задумался о своём. И вдруг Топой произнёс:

– Давно это было, совсем давно...

Викентьич и Митя удивлённо переглянулись, но не стали перебивать. Топой заметил удивление друзей. Их реакция ему понравилась, и он продолжал:

– Жил здесь злой и вредный старый шаман. Его сила была настолько велика, что подчинялись ему и птицы, и звери, и рыбы, и всякая мелкая лесная, небесная и водная тварь. Когда он шаманил, замолкали все живые, даже лес не шумел, и речка переставала бежать. Богат был и жаден тот шаман. Ни с кем не хотел делиться. И хотел, чтобы кроме него никто больше не слышал сладкое пенье птиц, никто не видел акробатические трюки рыб, скачки коз, бои оленей и шелест деревьев. А чтобы не разбежалось зверье, не улетели птицы и не уплыли рыбы, воздвиг он вокруг царства своего высокие-превысокие горы. Саяны. Возвышались они почти до неба, из-за гор этих не было даже солнца видать, и не мог сквозь эти горы просочиться даже ни один ручеек. Обрадовался этому злой шаман. Но время шло. И от того, что не было здесь солнца и не было свежей воды, озеро вскоре высохло, лес стал сохнуть, живность всякая гибнуть. Царство старого шамана стало вымирать. И разрушил тогда шаман волшебным посохом большую скалу, чтоб лучи солнца иногда попадали в его царство. Свернул большой камень, чтобы пробился и заструился небольшой ручей. И ожили звери, запели птицы, и лес снова зашумел. Скоро у свернутого камня озеро образовалось. И назвали его Енисеем. А вода всё прибавлялась и прибавлялась. И тесно стало Енисею между исполинских гор, начал он себе

выход искать. Камни стал подтачивать, волны о скалы разбивать. Пытался горы раздвинуть, но сил не хватало. Да и боялся, что шаман увидит, разгневется и перекроет живительный ручей. Призадумался тогда Енисей, что делать дальше не знает. А шаман заметил всё-таки старания Енисея и, шипя, угрожает ему: «Не уйти тебе от меня. На вечную муку я обрёл тебя, смиришься и останешься навеки со мной в моём царстве. А попробуешь прорваться, я тебя изгублю, под землёй схороню, чтоб во веки веков тебя никто не видел, чтоб и ты белого света больше не знал».

Не выдержал тогда Енисей, взбунтовался. Поднялся волнами большущими и могучими, ударился о скалы, окружающие его, с такой мощной силой, что с грохотом разрушились горы, стали сразу меньше, и через них Енисей спокойно уже перескочил. Разрушил все преграды и потёк широкой шумной рекой по Сибири, радуя всех своей могучей красотой и живительной водой. А царство злого шамана покрылось вечными льдами и снегами. И обходят это царство с тех пор стороной зверье, облетает птица и не плавают туда рыба. А старый шаман от злости ушёл во льды и замерз там до лучших для него времён...

Рассказчик замолк. Снова в избе установилась тишина, и стал слышен за окном шум тайги. Первым отреагировал на рассказ Митя:

– Слушай, давно здесь живу. Но в первый раз слышу эту легенду. Скажи честно, Топой, ты сам её придумал или вычитал где-нибудь?

– И в чём смысл этой легенды? – вступил уже Викентьич в разговор.

– Тот менгир, что встретил сегодня Викентьич, и есть злой шаман. Так старые люди говорят. Учёные смеются над этим. Говорят, что это памятник окуневской культуры. Викентьич вот обратил внимание, что лицо этого истукана странное, неземное. Да и глаз у него три. Про это и учёные говорят, только они это лицо личиной называют. Да пусть как угодно называют, пусть сочиняют свои докторские и кандидатские, а и им всё равно не верю. А верю дедам и прадедам своим, которые друг дружке передавали, что оживёт вскоре тот шаман. Что превратился он в чёрный камень временно, и ждёт, когда придёт его время – тогда возродится его царство, и снова будет подвластен ему Енисей, и снова будут служить ему зверье и птица, и люд человеческий будет ему свою дань отдавать. Дед мой говорил, что менгир этот злой и под ним заключена очень большая чёрная энергия, которая до поры в земле таится, но ждёт своего времени. И что обходить его надо стороной. И уж ни в коем случае к нему не притрагиваться. Добрый человек от него пострадает сильно. А злой человек эту затаённую энергию разбудит во вред всем нам.

– А что за злой человек? – не выдержал Шевченя?

– А вот этого, наверное, пока не знает никто. Я же вам подобраю советую – держитесь от этого менгира подальше. Энергия у него плохая. А нам ещё завтра целый день идти. И всё на этом, закончили разговоры. Поутру рано вставать, – подытожил моментально Топой и тут же задул свечу.

005

В рабочем кабинете шефа Пентагона в удобных креслах за круглым журнальным столиком разместились трое. Это были помощник президента США по национальной безопасности Джим Тенет, директор ЦРУ Генри Грант и, собственно, сам хозяин кабинета Джон Харли.

Видно было, что беседа началась даже не пять минут назад. Джим Тенет напористо продолжал:

– Так вот, я повторяю, Билл уже не тот парень, что был раньше. Скандал с Моникой и серьёзная встряска, которую ему устроила Хилари, очень сильно подорвали его. Он стал нерешителен. Думаю, даже труслив. Поэтому всё, что я сейчас скажу, должно остаться в этом кабинете и ни в коем случае не выйти из него. Я ясно выразился?

Харли и Грант кивнули почти одновременно головой.

– Хорошо. Но прежде чем обсудить то, для чего мы здесь сегодня собрались, послушайте одну историю, – окинув взглядом собравшихся, начал Тенет. – Мне недавно рассказали об одном забавном месте в Сибири, жители которого именуют его Град Сварога. У древних славян был такой бог, он считался родоначальником всех славянских языческих богов. Так вот, жители этого города отказались от удобств современной жизни. Там нет автомобилей, электричества, сотовой связи и интернета. Они не признают никаких российских и местных законов, кроме своих. Этот Град находится в тайге у подножия Саянских гор. Добираются до него либо пешком, либо на лошади. В настоящее время там проживают свыше одной тысячи человек. По сути – это религиозная община, во главе которой стоит отец Варфоломей. Его авторитет настолько высок, что его самого почитают как бога. Наши источники говорят, что авторитет Варфоломея – это результат его гипнотического воздействия на жителей этой сибирской общины.

Тенет сделал театральную паузу. Открыл полную бутылку «Джим Бим», плеснул себе в стакан, сделал глоток. Снова оглядел всех присутствующих, продолжил:

– А теперь внимание. По данным моего источника, в рисунках жителей Сварога встречаются очертания Саяно-Шушенской гидроэлектростанции, находящейся примерно милях в пятидесяти от них. Они говорят, что Саяно-Шушенская гидроэлектростанция – это то, благодаря чему они приобретут спасение. Но главное, что говорит мой источник, заключается вот в чём. Они ждут землетрясения. И готовятся к смерти от молнии и воды.

– Слушайте, Джим, это, может быть, интересная история для Голливуда, но причём тут мы? – не выдержал Джон Харли. – Ранее я не замечал за тобой любви к историям, да ещё и на голливудский лад. Может быть, тебе стоит уйти от дел и заняться написанием текстов для блокбастеров. Мне говорили, что теперь это неплохой бизнес?

– Джон прав, – вошёл в разговор Грант. – Ты же не развлекать нас пришёл. Давай уже перейдем к делу.

– О, Генри, конечно, всё так. И, Джон, я воспользуюсь Вашим советом, когда, как Вы выразились, отойду от дел. Тем более, что историй из моего жизненного опыта мне хватит на несколько десятков картин, – спокойно и хладнокровно отреагировал Тенет. – Но я всё-таки прошу дослушать меня до конца. Уверяю вас, эта история про Град Сварога рассказана мною не просто так.

– Хорошо, продолжайте. Но говорите короче. Имейте в виду, что это всё-таки не «Коламбия Пикчерз», – Харли обвёл взглядом свой кабинет, – а Пентагон.

– Да. Итак, короче, – Джим Тенет поставил стакан с виски на журнальный стол. Достал из небольшого кожаного портфеля кипу фотографий и карт, раздал их присутствующим. – Это юг Сибири. Мой советник говорит, что это словосочетание само по себе не сочетается. То есть оксюморон. Но у русских возможно всё. У вас на картах и фотоснимках не просто юг Сибири.

Перед вами – горная система Саяны. Считается, что она самая неизведанная в мире. Эти горы достаточно новые и до сих пор растут. Да, друзья, они растут примерно до 1 сантиметра в год. И это говорит о высокой сейсмической активности в этом горном районе. В том самом районе, где находится крупнейшая в России Саяно-Шушенская ГЭС. Рост Саянских гор вызван тем, что они находятся в зоне Саянского тектонического разлома. Видите, он указан красными линиями. Российские и американские учёные считают этот разлом одним из самых опасных в сейсмическом отношении. Это может быть сильнее, чем разлом Сан-Андреас в Калифорнии. Потому что оба эти разлома постоянно движутся и достаточно быстро. Если, конечно, сравнивать их скорость со скоростью движения земных плит со времён существования Пангеи. Да-да, это мегаконтинент, который существовал в конце палеозойской эры, и который впоследствии разделился на Америку, Евразию, Африку, Антарктиду и Австралию. А разделение произошло как раз по причине движения громадных тектонических плит. Собственно, это движение происходит по всей земле до сих пор. Но в районе Саянских гор это происходит быстрее всего. Главной границей Саянского разлома некоторые учёные считают крупнейшую сибирскую реку Енисей. И именно на Енисее в Саянских горах построена самая крупная в России Саяно-Шушенская гидроэлектростанция. Русские заявляют, что она очень прочная и может выдержать сильнейшее землетрясение любой мощности. Но...

Тенет выдержал паузу. Взял «Джек Дениэлс». Круговыми движениями медленно потряс перед всеми бутылку, чтобы хорошо было видно, как происходит волнение коричнево-золотистого напитка в ёмкости, и произнёс:

– ... готова ли выдержать Саяно-Шушенская землетрясение такой мощности, которую устроим мы?

– Мы – это кто? – подозрительно спросил Джон Харли.

– Мы – это наши доблестные вооруженные силы!

– Это как?

– А вот это уже правильный вопрос! И ответ его в том, что в марте в предгорье Саянских гор, на побережье большой сибирской реки Енисей, недалеко от Саяно-Шушенской гидроэлектростанции состоится международный экологический форум. Планируется, что участвовать в нём будет исполняющий обязанности президента России Владимир Путин, – Тенет изучающее смотрел на хозяина кабинета. – И надо сделать так, чтобы он не стал президентом. Никогда им не стал.

– А причём здесь я? – казалось, ни один нерв не дрогнул у Джона Харли. Он ответно посмотрел в глаза Тенету и минуту спустя перевёл взгляд на Генри Гранта. – Ликвидация политиков – это прерогатива его ведомства. И потом, как, вы говорите, называется эта река в Сибири? Енисей? То есть именно в эту реку вы предлагаете мне ввести подводный флот США?

Харли ехидно усмехнулся, наблюдая за реакцией собеседников. Первым не выдержал Генри Грант.

– Послушайте, Джон. Прекратите дурачиться. Вы хорошо понимаете, что мы говорим не о подводном или надводном флоте США. И даже не о доблестной авиации. Я говорю о тектоническом оружии. И не надо нам рассказывать, что его у нас не существует. Вам напомнить крупнейшее землетрясение в Мексике в октябре 1998 года? Или сейсмический удар по Тайваню в сентябре 1999 года? Моё агентство, хочу Вам напомнить, не спит никогда. И то, что об этом не знает любовник Моники Левински, не означает, что этого не было. Мы с Тенетом очень рискуем, разговаривая сейчас об этом. Но знайте, что и на Вас у нас есть крепкое досье. Скажите, Джон, Вы с нами? Нам продолжать дальше разговор?

Джон Харли вскочил. «Это плохо, – подумал он тут же. – Нельзя так реагировать в присутствии Гранта. Выдержка уже совсем не та, как раньше». Отвернулся. Прикусил до боли губы. Развернулся, и усиленно пытаясь сдержаться, произнёс:

– Генри, не кажется ли мне, что Вы блефуете? Про джокера заговорили уже в начале игры. Да и что мне ваше досье?! Как будто в нём есть что-то такое, чего не знаю я. Но довольно эмоций! Перейдём к делу. – Харли подошёл к большой карте мира. – Всё, что вы тут рассказали мне про Мексику и про Тайвань – это правда. Эти землетрясения произошли в результате внешнего воздействия. Крупнейшее землетрясение в Мексике – это остаточные явления в земной коре, произошедшие через несколько недель после ядерного испытания французов в районе атолла Муруроа. Но тот ядерный взрыв вызвал колебания в земной коре также в Японии и в Китае. Цунами на Тайване – также результат ядерных испытаний. В отличие от Вас, Генри, таких примеров я могу привести свыше двух десятков. И ни одно из них, я обращаю ваше внимание, не происходило в результате использования тектонического оружия. Вы можете меня спросить, почему? И я вам отвечу: потому что такого оружия в армии США пока ещё нет. Это первое, что я вам хотел сказать. Второе: армия США не занимается политикой. И тем более не занимается устранением неудобных политиков. Это Ваша прерогатива, Генри. И главное: я служу президенту Соединённых Штатов Америки. И без его приказа никаких серьёзных действий я предпринимать не собираюсь.

Возникла тяжёлая пауза. В шахматах такое положение называется цугцванг. Это когда любой следующий шаг игрока ведёт к ухудшению его ситуации на шахматной доске. Тенет жалел, что раскрыл все карты перед генералом. Грант боялся, что об этом разговоре узнает президент. Харли – что дал повод этим выскочкам вообще втянуть его в этот разговор.

Спасительным для всех оказался телефонный звонок. Джон Харли подошёл к аппарату, и выражением своего лица показал присутствующим, что разговор окончен. Тенет и Грант встали и вышли из кабинета. Последних мучила сейчас единственная мысль: будет ли доложено об этом разговоре в Белый дом...

006

На вторые сутки лыжного похода в груди нервно зашекетало. Поднявшись на перевал, Викентьич невольно воскликнул: «Лепота-то какая!»! Внизу у подножия горы раскинулся Град Сварога. Солнце начинало прятаться за гребнем горы и последние его лучи освещали жилые постройки. Возникла оптическая иллюзия, казалось, что Град Сварога светится неземным ярким светом. Весь. Изнутри.

Убежище затворников покорило сразу. Рубленные добротные деревянные избы были выстроены лучами от большой площади, в центре которой находился языческий храм. Храм Сварога. Он был высоким и круглым, а крыша его – остроконечной, состоявшей из шестнадцати по радиусу углов. На ней разместились девять небольших куполов. Внутри храма стояла вырубленная топором из крупного дуба шестиметровая статуя Сварога. Он был в кольчуге, в правой руке его находился огромный меч, опущенный в землю. Крупная ладонь левой руки была прижата к солнечному сплетению на груди. На голове Сварога был шлем с изображением взлетающего орла. Причём идол не был вкопан, он был вырублен из живого дерева, и укрепился в земле уже высохшими, но до сих пор ещё крепко державшими его корнями. Именно здесь трижды в день собирались жители таёжного городка для того, чтобы молиться своему языческому богу.

– Слава Сварогу! Слава Сварогу! Слава Сварогу! – эхом разлеталось из храма, когда Викентьич, Митя и Топой спустились в долину.

Путешественники дошли до крайнего дома и Топой велел остановиться:

– Варфоломей не любит, когда приходят незвано. А предупредить его не удалось. Здесь подождём. Кто-нибудь да объявится.

И тут же из-за угла вынырнул странный персонаж в очень потрёпанном полушубке, и непонятно в каком уборе на голове. Топой вместе с ним отошли в сторонку и долго шептались. Викентьич не слышал о чём, но заметил, что абориген, как его он для себя окрестил, был недоволен и постоянно тыкал vareжкой Топую в грудь. Потом переговоры резко прекратились, и незнакомец исчез также неожиданно, как будто растворился в наступающей темноте.

Топой вернулся к Мите с Викентьичем. Видимо выругался на хакасском и, как отрубив, произнёс:

– Надо ждать немного. Ничо, всё будет путём.

Викентьич и Митя молчали. Они уже убедились, что если Топой не хочет говорить, то и разговорить его не получится. Примерно через полчаса к ним подошёл высокий крепкий мужчина лет шестидесяти. Осмотрел их внимательно, словно изучал, затем улыбнулся в шикарные волнистые усы и с хорошо знакомым московским акцентом заговорил:

– Ну, здравствуйте, москвичи и хакасы. Надеюсь, не замёрзли? Все разговоры и вопросы – не сейчас. Сначала я вас накормлю, напою, да и спать потом уложу. Тогда уж и поговорим. Громов меня зовут. Жить будете у меня. Ну что, идём?

И не ожидая ответа, Громов развернулся и пошёл. Викентьич, Митя и Топой спешно захватив стоявшие в снегу лыжи, почти побежали за ним бегом. Они шли за новым знакомым и продолжали восхищаться таёжным городком. Избы были не похожи друг на друга, но сложены из крупных брёвен в одном стиле. Возникло ощущение, будто модный архитектор потрудился в глуши.

Громов оглянулся и, словно читая мысли, произнёс:

– Музей деревянного зодчества. И не только. Мы ещё и заповедник истинно славянского уклада жизни. Вот мы и пришли.

Изба Громова также находилась на окраине городка, только с другой стороны поселения. Она была не очень большой, метра четыре на четыре. В избе стояла небольшая русская печь,

сложенная из камня и глины. От неё по всей избе растекалось тепло. Комнат в избе не было. В центре стоял большой деревянный стол. Накрытый уже. Викентьич заметил в чугунке отварную в мундире картошку, рядом в большой тарелке развалился судя по всему отварной петух, стояли также большие тарелки с квашеной капустой, соленые огурцы в рассоле, а на вышитом полотенце лежал большой каравай черного хлеба с большим шматом сала. Викентьич сглотнул слюну, заметил широкую улыбку Мити, который уже потирал ладони, внимательно осматривая деревенский стол.

– Ну что, гости, раздевайтесь. Умывальник вот слева. И прошу всех к столу, – добродушно сказал Громов и, скинув шубу, повесил её на прикрепленный к стене лосиный рог.

Было очень вкусно. Давно уже Викентьич так не наслаждался от обычной деревенской пищи. Московские «Ёлки-палки» с их псевдокрестьянской русской едой, как говорится, и рядом не валялись. Капуста и огурчики хрустели на зубах, сало плавилось на языке, грибочки с лучком на густой сметане заглывались как во французском поцелуе, бодрящий клюквенно-брусничный морс придавал всему этому наслаждению новый акцент. А вкус и аромат обычного ржаного хлеба возвращали воспоминаниями в деревню к бабушке. Словом, никакой мишленовский ресторан не котировался в этот вечер так, как блюда в этой таёжной деревянной избе. Викентьич и Митя разомлели. Топой сидел немного в сторонке, слушал разговор и молчал. А Громов рассказывал о себе:

– Я раньше на почтовом ящике служил. В конструкторском бюро. Занимался оружием, вам не обязательно знать каким. Я очень люблю свою родину и всегда считал, что наше оружие помогает нам защищаться от врага. А потом вдруг понял, что это совсем не так. Что любое оружие – это зло. Очень большое зло. К этому по-разному все приходят. Кто-то через трагедию, через семейное горе, кто-то в результате конфликта с руководством или властью. Как тот же Сахаров, наверное. Я же пришёл через попытки понять этот мир, через осознание себя в нём. Я был состоявшимся конструктором. И в семье у меня было всё нормально. Взрослая дочь, красавица жена, большой дом, несколько квартир, дача, машины, положение, приёмы в Кремле... За границу, правда, не разрешалось выезжать, но меня это не огорчало совсем. А потом как прорвало, как молнией – по сердцу и по мозгам. Что я делаю? Что творю? Моё же оружие убивает людей!!! Это осознание пришло так внезапно, что я испугался. Испугался за себя, за жену, за детей, за друзей. Понял, что жить так больше не могу. И не смогу. Я понял даже больше. Я понял, что любой прорыв в технологии, в конечном счёте – это зло. Любая технология – это только на первый взгляд облегчение жизни человека. А на самом деле – это ограничение его свободы, это неосознанное рабство, в которое человек загонят себя сам.

– А как же новое в медицине? – не выдержал Митя Шевченко. – Ведь это не оружие. Эти технологии спасают человечество от смерти и болезней сотни миллионов людей?!

– Всё верно. Мы спасаем живущих сегодня. Но мы даже представить не можем, какую мину замедленного действия закладываем в генофонд будущих поколений?! Вы хотите поразмышлять на эту тему?

– Нет, не хотим, – уверенно заявил Викентьич. – Расскажите лучше, как Вы оказались здесь.

– После того, как ко мне пришло осознание того, что моё место не в том мире, в котором я живу, я занялся поисками своего мира. К тому времени я уже неплохо изучил традиционные религии – православие, католицизм, иудейство, ислам и буддизм. Как когда-то князь Владимир я выискивал в них плюсы и минусы. И самое главное, искал в них ответы на множество моих вопросов. Но ни одна религия, заметьте, не давала мне этих ответов. Тогда я стал посещать сектантов. Их у нас достаточно, и найти их штаб-квартиры для меня не составляло особого труда. Но и у них я не нашёл ответы. Тогда мне один друг рассказал о Варфоломее. Три года назад я приехал сюда. Потом уже написал жене письмо, чтоб не искала, попросил прощения и... остался здесь, думаю, навсегда.

– Вы хотите сказать, что именно здесь, в Граде Сварога, Вы нашли ответы на все свои вопросы и нашли свой мир? – удивлялся Викентьич. – Но это же выдуманный мир? Вы сбежали от реальности, но, может быть, попали под влияние как раз самого реального и самого продуманного лица?!

– Вы спрашиваете о Варфоломее, не так ли?

Викентьич кивнул головой.

– Знаете, а я с вами соглашусь. Варфоломей, действительно, реальный и очень продуманный, очень умный человек. Он помог мне начать жить по-новому. И наш мир, в отличие от вашего, лживого и с придуманными ценностями, как раз реальный. Настоящий. Правдивый. Я очень надеюсь, что вам удастся нас понять. Одна только просьба: отбросьте все предубеждения и не спешите делать выводы.

– А все-таки, зачем Вас, Громов, занесло так далеко в Сибирь? Неужели где-нибудь в центральной России не нашлось, – Викентьич замялся, стараясь подобрать слово, чтобы не обидеть собеседника, – похожей общины?

– Секты хотели сказать? – улыбнулся Громов. – Нет, не нашлось. Да и не разрешили бы там такое селение. Чтоб ни на одной карте. Чтоб без прописки. Без налогоплательщиков. И чтоб не подчинялись бы мы никому... Такое возможно только в таёжной глуши. Да и то мы все как под дамкловым мечом ходим. В любой момент нас могут разогнать, распределить по психосанаториям, а Варфоломея – вообще посадить. Сейчас ему удаётся каким-то образом – не знаю, правда, каким – уладить все эти вопросы с местными властями. Поэтому им до нас никакого дела нет. Надолго ли это? Повторюсь, не знаю. Да и не в наших всё это руках. Один только Сварог знает.

Громов замолк, очевидно, вспоминая свой прежний мир. Та жизнь ему казалась уже далёкой и забытой. Жена, с которой прожили почти сорок лет, не вспоминалась ему совсем. И не снилась. Он даже пытался как-то представить её улыбку, её лицо. Не получилось. Всплывало какое-то размытое, казалось бы, знакомое очертание, но не лицо. Часто вспоминалась дочка. Но вспоминались ещё школьницей. Может быть, уже замуж вышла? Громов, с тех пор как сюда приехал, ничего о них не знал. Иногда его это тяготило. Но лишь иногда. Он был убеждён, что всё у них хорошо. Он допускал, что, может быть, они иногда обижаются на своего отца за то, что бросил их, ничего не объяснив. Но он верил, что они умные, (они же – в него!), и они простят, они его поймут. Работу Громов не вспоминал вообще. Ни коллег, ни конструкторское бюро. Он понимал, что если понадобится, он вспомнит всё. Особенно – оружие, которое изобрёл. Но не хотел об этом думать. Мысли об этом поначалу сознательно отгонял. Получалось успешно. Потому что впоследствии о нём даже не вспоминал. Но что-то тяготило его в последние дни, что-то мучило, ныло в солнечном сплетении и под левым нижним ребром. Громов ощутил, что это непонятное предчувствие как-то связано с его нынешними постояльцами. Но вот каким образом?

– Я вот только одно понять не могу? – словно в тумане раздался голос Мити.

– Чего? – автоматически произнёс Громов, моментально вернувшись из прошлого. – Что вы хотели спросить?

– Ведь вы язычники, – куражился Митя. – А мне сказали, что не пьёте совсем. Это правда?

– Да, мы не употребляем спиртное. Совсем.

– Но ведь это не правильно. Славяне-язычники любили выпить. Помнится, князь Владимир именно поэтому отказался от принятия ислама. «Питие есть веселие Руси» – так он ответил магометанам, когда они пытались обратить его в свою веру. А у вас, почему под запретом «веселие Руси»? – Митя радовался думая, что Громов загнан в угол, торжествовал и ждал ответа.

– А Вы, юноша, не всегда верьте тому, что в «Повести временных лет» написано, и десятки раз переписано. Это, во-первых. И, во-вторых, в Граде Сварога запрещено употреблять спиртное для того, чтобы соблюдалась железная дисциплина. Я уже говорил вам, что наша жизнь, что права у птиц. Пока на нас власти смотрят сквозь очки сварщика, но если кого-то из нас угораздит вляпаться в коричневое месиво, то покоя точно не дадут. А если вам не нравятся наши права и обязательства, то, как говорится, никто никого насильно у нас не держит. И от нас люди уходят. Не выдерживают ограничений, не могут радоваться жизни без мирских утех. Но те, кто остаются, те – сильны духом и спокойны душой. Поспрашивайте завтра об этом. Но не настаивайте на ответах, будьте понятливее и терпимее, иначе вас не примут, ничего не расскажут и не поймут.

Громов почувствовал, что устал от этого разговора. Поэтому на правах хозяина быстро эту беседу свернул:

– Остальные вопросы завтра. А теперь – отбой!

Викентьич обрадовался такому решению. Откровенно говоря, ему уже давно хотелось заснуть.

007

Йошка Фишман как всегда остановился в Париже в отеле Ритц. Это был дорогой пятизвёздочный отель, в котором обычно гостили высокопоставленные гости. Коко Шанель жила здесь почти тридцать лет, и здесь же умерла. Именно из этого отеля отправились в последнюю поездку по Парижу принцесса Диана и Доди Аль-Файед. В ближайшие же планы Фишмана встреча со смертью никак не входила, он собирался на важную встречу с Джастином в известный Будда-бар. Джастин работал в штаб-квартире ЮНЕСКО, занимался там программой по человеку и биосфере, и именно с ним сорвалась встреча Йошки, когда он недавно был в столице Франции транзитом в Найроби из Москвы.

Окна Йошки выходили на Вандомскую площадь, из которых была видна знаменитая одноимённая колонна. Она была воздвигнута по распоряжению Наполеона Бонапарта в начале 19-го века в честь одержанных им побед. Колонна была выстроена из камня и обложена барельефами, отлитыми из множества австрийских и русских пушек, доставшихся армии Бонапарта от побеждённых воинских частей.

Йошка любил Ритц отель. Он находился в первом округе Парижа, и до ближайших достопримечательностей было, как говорится, рукой подать. До Опера Гарнье он добирался меньше, чем за пять минут. До Лувра чуть-чуть больше. Прогулка до Будда-бара обычно занимала минут десять. Известный ресторан паназиатской кухни находился недалеко от площади Конкорд. Йошка любил там бывать, и очень обрадовался, когда узнал, что встреча с Джастином состоится именно там.

Ужин был запланирован на 8 часов вечера. Йошка спустился с Вандомской площади до Рю Сен-Оноре и повернул направо. Пройдя метров двести, на пересечении с Рю Камбон он оказался рядом с польской церковью Вознесения Девы Марии, которая комфортно вписывалась в архитектуру старого Парижа. Нельзя сказать, что она была привлекательна, но обращала на себя внимание своей монументальностью. Дальше обычная парижская улочка ничем не выделялась. На пересечении с Рю Буасси д'Англа Йошка повернул налево и вскоре оказался у входа в Будда-бар. Посмотрел на часы: было ровно восемь.

Йошку провели к Джастину. Их столик находился справа от большой статуи Будды на таком расстоянии от других, чтобы можно было разговаривать друг с другом, не опасаясь быть услышанными. Видимо, это устроил Джастин. Обычно в это время популярный ресторан заполнен полностью, и без предварительного заказа столиков в это заведение было невозможно попасть.

Как выяснилось, Джастин уже сделал заказ на двоих. И Йошке ничего не оставалось, как его поблагодарить.

– В Сибири всё готово к форуму? – привычно без предисловий задал Джастин вопрос.

– Да, я об этом недавно доложил в ЮНЕП.

– А почему тебя отправляют снова в Москву?

– Директор опасается, что форум не будет представительным, если на нём не будет нового российского президента. Мне поручено использовать все рычаги, чтобы добиться от Владимира Путина участия в работе форума. Правда, я пока ещё не знаю, как это сделать. Запланировал ряд встреч в Москве.

Вдруг Йошка понял, что Джастина мало интересует форум и разговор пойдёт совсем о другом. Он выразительно посмотрел в глаза Джастину и тот, как будто читая вопрос, кивнул в ответ Йошке головой.

– С твоим контактом всё нормально?

– Да, он готов к работе, – Йошка насторожился.

– А запасной?

– И с ним всё нормально. Он пока законсервирован. Что-то срочное?

– Очень! Слушай внимательно. В Хакасии есть несколько угольных разрезов, добыча угля на которых производится открытым способом. Там нет бурения и нет шахт. Облегчают добычу угля специальными взрывами. Они не очень большой мощности и каждый взрыв согласован с местной властью. Необходимо срочно получить информацию, в каких объёмах хранится взрывчатка непосредственно на разрезах? И есть ли возможность устроить более мощный взрыв?

– Более мощный? Это какой?

– Тысяча тонн, не меньше.

– Не думаю, что такое количество взрывчатки может храниться на разрезах.

– А тебе, Йошка, думать об этом не надо. Твоя задача – довести это задание срочно до контакта и получить очень срочно ответ.

Фишман уже сталкивался с промышленными взрывами и отдалённо представлял, что может произойти при взрыве такой мощности.

– Такой взрыв может вызвать небольшое землетрясение?

– Да, может. Именно землетрясение нам и нужно. И не небольшое, а нормальное такое землетрясение, – Джастин внимательно всматривался в глаза Йошки. – Если взрывчатки будет больше, то, как ты понимаешь, это будет лучше. Для всех.

Джастин замолчал. Молчал и Йошка. Он неплохо знал собеседника и понимал, что это ещё не всё.

– Это не всё, – продолжил Джастин. – Из Монголии на границу с Тывой – это российская республика рядом с Хакасией – будет доставлен ценный груз. Это будет деревянный ящик размером с большой российский сундук – очень важный и дорогостоящий раритет. Его нужно будет переправить к Варфоломею. На самом деле, это старый ящик, не представляющий никакого исторического интереса, набитый всяким хламом. Но и лишний глаз этому грузу тоже не нужен. Словом, работа деликатная. Твой агент справится?

Джастин изучающе взглядывался в глаза Йошки, а потом спокойно это взгляд оторвал. Йошка понял, что, скорее всего, это уже всё.

– И это почти всё, – словно смеясь, произнёс Джастин. – Доклад через неделю по старым каналам. Место на границе Тывы и Монголии обозначено в этом путеводителе. Точные координаты места получите потом. Справишься?

– Как будто ты примешь от меня другой ответ?!

– Конечно, нет, – открыто рассмеялся Джастин. – Но зато это уже всё, что я хотел тебе сказать.

Джастин сделал минутную паузу. А потом неожиданно и несколько отстранённо спросил:

– Слушай, Йошка, а тебе нравится этот голос?

Только тут Йошка обратил внимание, что в Будда-баре звучала китайская песня и голос певицы, действительно, был очень прекрасен:

– Он очень волнительный... И пронизывающий. А кто это поёт?

– О! Это новая китайская звезда. Её зовут Пэн Лиюань, – вскинул восторженно руки Джастин. – Она быстро и ярко зажглась. У неё хорошее будущее. И у неё, кстати, очень интересный муж. Сейчас он является губернатором восточно-китайской провинции Фуцзянь. Очень перспективный. Запомни его имя – Си Цзиньпин. Мы про него ещё услышим.

Рядом появились две красивые официантки. Китайки. Принесли любимое блюдо Йошки Фишмана – утку по-пекински. Всё-таки Джастин знал его вкус.

Самая лакомая часть блюда – это запечённая хрустящая утиная шкурка-корочка. Фишман всегда начинал именно с неё. Это потом он уже переходил к основному блюду. Нежно брал руками тонко нарезанные мясные ломтики, слатыывая слюну обнюхивал их, клал на тонкий пшеничный блинчик, добавлял пёрышки зелёного лука, кусочки моркови и огурца, свертывал

блин, макал его в островатый соус и, причмокивая, уже потом вкушал. Да-да, не кушал, не ел, а именно вкушал. Délice!

008

Громов поднял своих гостей с рассветом. На столе стоял кувшин парного молока, каравай ржаного хлеба, вареные яйца и свежий творог. Позавтракали неохотно, к такой утренней пище, судя по всему, никто из гостей не привык. Затем отправились на экскурсию по деревне. То есть по Граду Сварога. Правда, слово «экскурсия» Громову не нравилось совсем. Он предпочёл называть утреннее мероприятие знакомством. Викентьич и Митя спорить не стали. Топой, по привычке, промолчал.

Знакомство началось со школы. Она была небольшой, да и учились в ней всего три десятка детей. Современных школьных учебников не было. Не было и профильных учителей. Все занятия проводил одновременно со всеми просвещенник Владимир, лет ему было около сорока пяти. Да и школа называлась не школой, а домом просвещения. Иногда, раз в месяц проводил там свои уроки и Варфоломей. К ним готовились загодя, как к экзамену, и слова благодарности от Богопочтенного были главной похвалой за усердие просвещенцев-учеников. Три раза в день вместе со всеми жителями Града просвещенцы посещали Храм и молились своему языческому богу Сварогу. В свободное от учёбы время дети занимались хозяйством, помогая своим родителям и другим жителям общины.

Дом просвещения стоял недалеко от деревенского пруда. Где-то в глубине его доставали из длинной и узкой проруби сети рыбаки. Потом добыча раздавалась всем жителям деревни, по очереди и в пропорции количества членов семьи. Хотя достаток был всегда, даже в самые морозные дни, когда рыба словно засыпала и уходила на глубокое дно. То, что оставалось свободным от раздачи, хранилось в больших деревянных складовцах.

В ближней проруби, недалеко от берега, стайка женщин, нагнувшись к воде, полоскала постиранное бельё. Где-то в тайге раздались выстрелы. Значит и с охотой здесь всё налажено, поставлено, как говорится, на промысловый лад.

Солнце уже ярко светило, и отражаясь алмазными искрами от снега, слепило глаза. Викентьич вдыхал этот свежий горно-таёжный воздух полной грудью, от обилия кислорода пьянило, в глазах мерцало, и приятно слегка кружилась голова. Всматриваясь в Град Сварога, Викентьич ощущал себя вне временных и пространственных измерений, словно оказался в мире фэнтези и вот-вот на горизонте поплывут титры из фильма, где он главный герой.

Дом Варфоломея стоял невдалеке от храма. Он был не очень большим, но двухэтажным. На его крыше были прикреплены две спутниковые антенны и панели с солнечными электрическими батареями в несколько рядов. Такие же солнечные батареи в пять рядов были установлены на заднем дворе. Сам дом, в отличие от других, был огорожен невысоким забором.

– Вот этого я не ожидал, – присвистнул Митя. – То есть Варфоломей всё-таки равнее всех равных?

– Что ты хочешь спросить? – мгновенно отреагировал Громов.

– То, что Варфоломей всё-таки пользуется электричеством, тогда как его нет у других.

– Это необходимость. Электричество нужно, чтобы связываться с большой землёй через спутниковую связь. Да и мало ли для чего срочно бывает необходимость в электричестве в тайге, в глуши?! Но мы от отсутствия электричества не страдаем. Оно не даёт нам расслабиться. Да и от искушений мирских избавляет тоже.

– Спутниковая мобильная связь? – не унимался Митя. – Но ведь это безумно дорого?!

– Дорого, – согласился Громов. – Но и мы вынуждены зарабатывать. Продаём пушнину, рыбу, зверя, дичь. Лесные ягоды, грибы. У общины есть специальный благотворительный счёт... Но я и так рассказал вам больше, чем уполномочен. Лучше спросите об этом Варфоломея при встрече. Правда, честно скажу, ему эти вопросы не очень понравятся.

Громов был недоволен, что позволил втянуть себя в этот разговор. Варфоломей поставил его к Викентьичу и Мите для того, чтобы информация, получаемая ими, была дозированной и в нужном для них ключе. Громов был умным, коммуникабельным и умеющим внушать доверие человеком. Варфоломей хоть и не любил журналистов, но не мог обходиться без них. Они, сами того не желая, рекламировали и продвигали Град Сварога. Через них он доносил определённые меседжи в мир и получал новых сторонников его идей. Но всегда Варфоломей был настороже, когда очередной журналист появлялся в его общине. Громов обычно общался с журналистами до него. И уже потом, получив от Громова точную характеристику, Варфоломей встречался с гостем лично, понимая как выстроить беседу с ним.

– О, а наши открытия Варфоломея не заканчиваются, – с сарказмом выкрикнул Митя. – Викентьич, ты только посмотри там, за углом! Не удивлюсь уже, если где-нибудь в сарае я обнаружу вездеход. Или вертолёт.

За углом дома стоял мощный снегоход. Судя по следам на снегу, вчера кто-то приехал в гости к Варфоломею. Или кто-то вернулся домой.

Громова раздражала эта ситуация. Он расположился к Викентьичу и Мите, но их вопросы и сарказм последнего не нравились ему. Громов понимал, что это не понравится и Варфоломею. Поэтому он и не спешил войти в дом.

Вдруг дверь в доме Варфоломея открылась, и на крыльцо вышел высокий худощавый бородатый человек. Что-то знакомое показалось Викентьичу в его лице. Но где он его видел раньше, и он кто?

– Ба, знакомые всё лица! – воскликнул Митя. – Дружище, ты помнишь его?

Викентьич отрицательно покачал головой.

– Ну как же? «Пирамида», Йошка, Саяногорск.

Точно! Викентьич вспомнил. Они нагрянули с Митей в «Пирамиду» поздно вечером, когда им надоела тусовка журналистов в инфоцентре после экскурсии на Саянский алюминиевый завод. Свободных мест в ресторане не было, и, заметив недалеко от входа знакомое лицо – виделись на той же экскурсии по СаАЗу – ринулись к его столику. Йошка встретил Митю и Викентьича растерянно, но с улыбкой. А вот сухощавый бородач отчего-то забеспокоился, что-то испуганно шепнул на ухо Йошке и быстро исчез. Больше в тот вечер он не появлялся. А Викентьич, Митя и Йошка после «Пирамиды» переместились в Дом иностранного специалиста, где продолжали кутёж почти до утра. Потом Митя каким-то образом устроил их поездку в таёжный дворец собственника алюминиевого завода, где они в компании топ-менеджеров и встретили Новый год.

Викентьич удивился, встретив здесь знакомого Йошки. Но бородач явно не обрадовался этой встрече. Было видно, что он растерялся, видимо, не зная, что дальше предпринять. Затем мгновенно развернулся и вошёл обратно в дом.

Громов, наблюдая за неловкой сценой, растревожился совсем. Этот бородач Цыганок работал в хакасском госкомитете по охране животного мира, был близким другом и доверенным человеком Варфоломея, хотя связь эту, как понимал Громов, нигде не светил. А тут получилось, что не просто засветился, но засветился перед журналистами, которые видели его также на встрече с каким-то Йошкой. Уж не с тем ли Йошкой, про которого как-то проговорился Варфоломей?! Кажется, тот был недавно в Саяногорске и работает где-то в ООН.

Громов работал раньше на секретном заводе, умел мыслить быстро и аналитически, и пришёл к выводу, что недовольство Цыганка встречей с Митей и Викентьичем ничего хорошего последним не сулит, да и аудиенция у Варфоломея сегодня вряд ли возможна. Во всяком случае, до тех пор, пока у него находится Цыганок. Требовалось срочно увести журналистов и охотника от резиденции Варфоломея.

Громов взмахнул руками, и наигранно, как показалось Викентьичу, застрочил:

– Ах ты ж, время-то летит! Уже и откушать пора. Ах ж, я – лободыра таёжная, держу вас тут гольём на улице, когда в печи уже петушок размяк, рвётся из чугунок в роток. Айда, айда скорее домой. Дела все потом. На голодный желудок разве что важное быстро сделаешь?

И потащил-потащил Викентьича, Митю и Топоя за собой не слушая ни просьб их, ни вопросов.

Обедала наша троица не спеша и в одиночестве. Громов, сославшись на неотложные дела, скорострельно удалился. Обед особенно не отличался от вчерашнего ужина. В дополнение на столе оказался большой чугунок, из-под крышки которого по всей избе сочился насыщенный туман мясного аромата. Как впоследствии оказалось, это был суп-лапша с разваренным прямо в чугунке здоровенным петушком. Чистый воздух сибирской тайги положительно повлиял на аппетит гостей Града Сварога. Наелись, как говорится, от пуза. И тут же всех потянуло в сон.

Когда вернулся Громов, Викентьич и Митя в унисон похрапывали в углу избы. Топой, прижавшись спиной к печи, что-то вырезал ножом из лучины.

Громов откашлялся, глотнул из кадушки, стоявшей рядом у входа, родниковой воды и громко произнёс:

– Друзья! Богопочтенный сегодня очень занят. Мы сейчас пройдем с вами в храм. А встречу с Варфоломеем постараюсь устроить после.

Друзья наши собрались быстро. После обеда и небольшого сна хотя и чувствовали себя расслабленно, но терять зря время, валяясь в избушке Громова, не хотелось.

Проходя мимо дома Варфоломея, Митя заметил, что снегохода на месте нет. Значит, бородач покинул град. Он взглядом и кивком головы показал на место, где стоял снегоход, Викентьичу. Тот всё понял и кивнул в ответ.

Громов не рассчитывал проводить экскурсию в храме самостоятельно, но встречаться с журналистами Варфоломей пока не спешил. Громову показалось, что эта встреча сознательно пока откладывалась. И откладывалась из-за визита Цыганка. И возникшего интереса Викентьича и Мити к бородатой персоне. А интерес этот необходимо было срочно переключить. И сделать это мог только Храм.

Именно так это и случилось. Сказать, что Храм покорила Викентьича и Митю, было бы неправдой. Храм Сварога заставил Митю и Викентьича поразиться его необычностью. Освещаемый через цветные окна в центральном куполе шестиметровый Сварог, казалось, на мгновение замер, опершись на меч, и прижав руку к груди, задумался, чтобы принять сложное решение. Возникало ощущение, что скоро – вот-вот уже сейчас – он закончит свои размышления, и перенесёт свой тяжёлый взгляд на пришедших иноверцев. От этого становилось страшновато. Величественным и божественным казался Сварог. Словно невидимая молния, идущая от статуи, волнительно прожигала их насквозь.

Сварог, по мнению некоторых историков и исследователей древнеславянского мира, был главным, то есть Верховным богом всех славянских богов. Считалось, что он был отцом другого известного славянского бога плодородия и солнечного света Дажьбога. Собственное имя Сварога, как считали славяноведы, произошло из языка древних индоариев от слова «небесный». Некоторые исследователи считали, что имя Сварог также сопоставимо со славянским словом «свара», что могло означать, как «спорящий» или «наказующий».

Викентьич узнал об этом накануне от Громова. И, глядя сегодня в полусвете на деревянно-богатырского Сварога, дрожью в коленях и камнем в кишечнике отчего-то ощущал наказующий его взгляд. Вспомнились сразу последние слова пушкинского Дон Гуана: «О, тяжело пожатье каменной его десницы».

Громов, правда, недоговорил, что не все исследователи считают, что бог Сварог был в действительности у древних славян. И что, вполне вероятно, в «Повести временных лет» он появился совсем ошибочно, по вине переписчика.

Викентьич и Митя уже в который раз обходили деревянного Сварога. Шаги их были неспешными, взгляд – сосредоточенный и одновременно несколько отрешённый. Громов отметил, что патетическая мелодика, которую создавал в храме Сварог, захлестнула своим напором и Викентьича, и Митю. Топой уселся вприсядку недалеко от входа и внимательно рассматривал небольшую фигурку, которую вырезал недавно из обычной лучины. Он был здесь не в первый раз, и волнение, которое охватило его спутников, пролетало мимо него. «Толстокожий потому что», – как заметит потом про него Шевчена.

Перед статуей была небольшая в виде подиума площадка с невысокой трибуной, за которой, видимо, и читал свои проповеди Варфоломей. Справа и слева от статуи находились ещё две площадки. Громов объяснил, что здесь по большим праздникам размещается хор. На одной из стен храма были размещены детские рисунки. Викентьич разглядел в них виды храма, самого Сварога, пейзажи Града и, судя по всему, самого Богопочтенного Варфоломея. Позади статуи находились две небольшие двери, открыть которые Громов не разрешил.

– Сюда могут входить только по личному разрешению Варфоломея.

– Это что-то типа алтаря? – спросил Митя.

– Не совсем... В этой комнате Варфоломей обычно принимает исповедь, – Громов не очень охотно отвечал на вопросы. – Как таковой исповеди, как вы знаете, у язычников нет. Но у нас иногда появляется потребность поделиться своими сомнениями, рассказать Варфоломею о своих мыслях, поразмышлять о бытии, в том числе и о жизни своей в частной беседе. Как говорится, конфиденциально. Варфоломей не отказывает.

– А за другой дверью что будет? – не унимался Митя.

– В этой комнате Варфоломей готовится к служению. Это личная келья Богопочтенного и туда, обычно, никто не входит.

Фотографировать внутри храма Викентьичу и Мите не разрешили, хотя никаких ограничений для фотосъёмок до этого не возникало. Громов заявил, что это не его и даже не Варфоломея прихоть, а желание жителей общины. Они боялись, что их языческого бога могут сглазить другие иноверческие боги. И не хотели, чтобы фото Сварога разлетелось тысячами копий по всему миру на радость колдунам, шаманам, ведьмам и прочим проповедникам нечистой силы. Варфоломей, судя по всему, в этом свою паству не переубеждал. А может быть, это предубеждение и взращивал. Митя и Викентьич погоревали, конечно, от того, что не удастся сделать снимок такой величественной статуи, но смирились и послушно последовали за Громовым, когда тот отчего-то быстро закончил экскурсию.

Когда знакомство с храмом закончилось, на улице уже было совсем темно. Зимой всё-таки темнеет быстро. Громов на минуту зашёл в дом к Варфоломею, и, выйдя обратно, повёл наших друзей к себе в избушку. На вопрос Мити, «когда же всё-таки мы встретимся с Богопочтенным?», ответил неопределённо и неуверенно:

– Может завтра.

В избе Громова опять был накрыт стол. Митя, покопавшись в рюкзаке, достал небольшой фонарь на батарейках, и, схватившись за живот, с усердием громко промычал:

– Пардоньтесе, по нужде мне нужно.

Удобства, как и в любой деревне, здесь были во дворе. Правда, дворов здесь как таковых не было, потому что не было и заборов. Но здание-скворечник стоял недалеко у каждой избы.

Митя, проходя мимо Викентьича, и изображая боль в кишечнике, негромко и быстро отрубил:

– Я задержусь. Не давай Громову выйти, займи его.

И, усердно пыхтя, выскочил.

Викентьич не знал, что задумал Митя. Но друга всё-таки решил подстраховать и завёл разговор с Громовым о язычестве.

Митя Шевченко в это время в темноте улочки перебежками добрался до Храма Сварога. Потянул за ручку, дверь была открыта. Нырнув быстро в храм, прижался к стене. В зале никого не было. Горевшие лампочки (видимо от электричества солнечных батарей) неярко освещали статую. Этого света вполне хватало, чтобы сделать фотографию Сварога. Митя вытащил из кармана мыльницу и несколько раз нажал на кнопку камеры. Сменив несколько раз расположение, Митя сделал уже более десятка снимков. Плёнка в фотоаппарате была им заряжена утром, в течение дня Митя мыльницей не пользовался, поэтому кадров для фотосъёмки оставалось ещё достаточно. Митя сделал ещё пару кадров и засобирился быстро вернуться к Громову, чтобы никто не заметил его отлучку. Но проходя мимо кельи Варфоломея не удержался, и потянул за ручку двери. Дверь поддалась. Митя на секунду задумался, а потом мгновенно нырнул внутрь.

В келье Варфоломея было несколько темновато. Митя оставил дверь приоткрытой. Он заметил небольшой шкаф, большой стол, дощатый диван, полки с книгами, чан с водой, и макет... Большой макет Саяно-Шушенской ГЭС, находившийся в углу стола, и высотой с полметра. Рядом на стене висела карта, в центре которой была опять же ГЭС, Саяно-Шушенское водохранилище и множество ромбиков разного цвета, разбросанных по всей карте. Митя автоматически нажал на пусковую кнопку камеры, наведя объектив на карту. Комнату озарила фотовспышка. А на плечо его легла тяжёлая рука и сзади кто-то властно произнёс:

– Конец фильма. Отдайте фотокамеру, молодой человек!

009

Мэри Лонг работала секретарём Джона Харли уже второй год. И четвертый год она была личным агентом директора ЦРУ Генри Гранта. Он завербовал её, когда Мэри только-только поступила на работу в Пентагон после окончания Американского университета в Вашингтоне. Отец Мэри полковник Лонг заканчивал тогда карьеру специалиста по восточной Европе в военном ведомстве и пристроил свою дочь стажёром в аппарат министра. Мэри была очень амбициозной и упрямой, к тому же очень красивой девушкой, и быстро выстроила собственную карьеру, дойдя за 3 года до должности личного секретаря министра.

Полковник гордился дочерью. Но однажды отпраздновав на службе (что было категорически запрещено) очередное движение вверх в карьере Мэри, захватил с собой из Пентагона очень секретные документы. Он и сам не понимал, как они оказались в его портфеле, но именно с ними его, пьяненького, застукали тогда вашингтонские полисмэны. За это полковнику полагалось тюремное наказание, или, как минимум, позорное изгнание со службы.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Его собственная дочь каким-то образом договорилась с полицией, и все документы о задержании полковника были уничтожены. Мэри объяснила это тем, что отец её однокурсницы по университету служит большим начальником в полиции Вашингтона, и он помог загасить едва зарождавшийся скандал в самом зародыше. Лонг вскоре ушёл в отставку. А потом в пьяном состоянии на большой скорости врезался в фонарный столб на своём стареньком автомобиле. Похоронили его, впрочем, с воинскими почестями, как заслуженного офицера. И на карьере его дочери несуразная смерть полковника никак не отразилась.

Лонг так и не узнал, что спас его от скандала с вынесенными из Пентагона документами не отец однокурсницы его дочери, а влиятельный начальник из ЦРУ Генри Грант. Именно он предложил Мэри Лонг вытащить её отца из полиции, попросив взамен стать его личным секретным агентом. Правда, так и осталось тайной, как эти чёртовы документы оказались в портфеле Лонга, и почему именно тогда к нему придрались полисмэны, и почему именно его портфель они решили осмотреть.

Грант вскоре стал директором главной разведывательной службы Соединенных Штатов. А Мэри успела выполнить несколько секретных заданий разведки, и даже после смерти отца уже никак не могла отвязаться от этой навязчивой зависимости и покровительства такого высокопоставленного лица.

Мэри Лонг пораньше пришла сегодня на службу. В длинных коридорах Пентагона почти никого не было. Её рабочий кабинет, который имел прямой вход в кабинет министра, также был пуст.

Она начала просматривать документы, о которых необходимо было доложить Харли, но работа не шла. Вместо букв, из которых обычно складывались слова, фразы и предложения, виделись непонятные знаки, а в её глазах рисовались ужаснейшие картинки. Мэри отложила документы, несколько раз натужно глубоко вздохнула и шумно выдохнула. Управлять эмоциями она научилась ещё в университете, когда занималась в спортивной секции по борьбе дзюдо.

Она еще раз вспомнила всё, что произошло на конспиративной квартире, где её встретил Генри Грант. В последнее время он встречался с Мэри достаточно редко, доверяя постановку задач и приём отчётов своему помощнику. Но вчера дверь открыл сам директор ЦРУ. И он, кажется, был несколько заведён. В полуосвещённой комнате чувствовался аромат хорошего бурбона. Она хорошо разбиралась в этих запахах, хотя не любила крепких напитков. Её отец знал толк в выпивке, и Мэри научилась различать запах кукурузного виски издалека.

«Генри выпил. Разговор очень срочный и, видимо, совсем непростой», – подумала она сразу. И не ошиблась. Грант предложил ей то, отчего она не спала почти всю ночь, не уходило сомнение до сих пор.

Когда они сели, Грант протянул ей небольшую коробочку. Внутри оказался обычный миниплеер стандарта MP-3, точно таким же пользовалась она. Грант внимательно смотрел девушке в глаза, словно проверял её готовность к разговору. Мэри уже привыкла к этим проверкам, поэтому не спешила с реакцией, выжидала.

– Это не просто миниплеер, – после паузы произнес шеф ЦРУ.

– Я догадалась. У меня уже есть точно такой же. Вы бы не стали мне дарить второй.

– Этот прибор – последняя разработка наших учёных. Вы его смело можете пронести в Пентагон вместо своего плеера, который занесён в реестр разрешённых для вноса Вами личных предметов. Это на всякий случай, если вдруг поднимается шум.

– Шум? – удивилась Мэри. – То есть я могу оказаться под подозрением из-за этого прибора? Внутри него что?

– Не спеши. Картинка стоит тысячу слов, – властно остановил её эмоциональную реакцию Грант. – Мы с тобой хорошо знаем, что у твоего шефа Джона Харли – проблемы со здоровьем.

– Да, я знаю. Что-то с сердцем.

– Если точно, то у него – аритмия. Доступнее говоря, ритм сердца Харли отличается от ритма здорового человека частотой, регулярностью и последовательностью сокращения сердечной мышцы. Аритмия опасна тем, что может появиться сердечная недостаточность, выраженная нарушением функции дыхания, может возникнуть отёк легких, не исключено резкое снижение артериального давления. Всё это может привести к ишемическому инсульту, который сделает человека растением. Или может наступить смерть. По нашим данным, Джон уже давно страдает аритмией, но серьёзному лечению предпочитает употребление таблеток. Которые временно сдерживают дальнейшее осложнение ситуации, но совсем не лечат. Ему предлагали даже установить кардиостимулятор, но он до сих пор не решился это сделать. Мы думаем, что Джон очень сильно дорожит своим креслом в Пентагоне, поэтому всячески скрывает информацию о болезни перед президентом. Бойтся, что Клинтон подыщет на это место более здорового и решительного вояку. Более решительный вояка нужен сегодня и нам. И Соединённым Штатам.

Генри снова сделал паузу, выжидательно посмотрел на Мэри.

– И ЦРУ хочет, чтобы моего шефа к своим дедам отправила я?

– Ну, Мэри, не я это сказал... Хотя Вы поняли всё правильно.

– Мне поможет этот миниплеер? – Мэри кончиками пальцев подтолкнула его к Гранту по столу.

– Да, Вам поможет именно он, – также ловко Генри оттолкнул плеер от себя.

– Что я должна сделать?

– Почти ничего, Мэри. Вы должны нажать на кнопку «Игра», и с включенным плеером зайти к Харли, когда он будет один. Этот маленький прибор создаёт мощнейшее электромагнитное поле, которое практически безопасно для здорового человека, но опасно для людей, серьёзно страдающих аритмией. Вы должны будете подойти с включенным плеером как можно ближе к Харли, завязать с ним долгий разговор, чтобы оставаться с ним рядом как можно дольше. Не дать ему возможность вызвать помощь, и когда всё закончится вызвать дежурную бригаду медиков к нему. Чтобы зафиксировать факт смерти. Вот и всё.

– Легко об этом сейчас просто помечтать. А если всё пойдёт не так? Если он не умрёт? Например, просто потеряет сознание, – Мэри смутил этот план, она сомневалась в смертельной способности маленькой коробочки, похожей на миниплеер.

– Вы не должны уходить пока это не произойдет. И должны удостовериться, что Харли мёртв. Проверьте наличие дыхания с помощью зеркала. Только после этого можно звонить

медикам. Никого кроме них в кабинет не впускать. И перестаньте беспокоиться. Прибор опробован на практике.

Мэри очнулась от шума в кабинете Харли. Джон разговаривал по телефону. Она встала, глубоко вздохнула, включила плеер, положила его в карман пиджака, взяла папку с документами и вошла в кабинет министра.

Через 10 минут Мэри набрала телефон дежурной бригады врачей Пентагона:

– Министру плохо, мне кажется – проблемы с сердцем, он задыхается.

Затем отнесла плеер в свой кабинет, положила в сумочку. И стала ждать.

010

Викентьич, Митя и Топой выдвинулись с восходом. Шли молча. Каждый думал о своём. Только скрип снега на лыжне вносил в их молчаливую беседу своеобразные штрихи. Викентьич до сих пор не мог осознать, что им спешно пришлось бежать из Града Сварога. Именно бежать, другого слова он подобрать не мог. Причём бежать внезапно, как разбойники с места преступления. Он даже вспомнил это чувство, когда в детстве с мальчишками удирал с пришкольного сада-огорода, боясь, что их сейчас поймает бессменный школьный сторож дед Кузьмич.

А всё случилось от того, что накануне вечером Варфоломей застукал Митю в своей келье в храме. Он был буквально взбешён нахальства Шевчены, заставил засветить фотопленку, и поручил Громову изгнать ослушников рано утром. И вот сейчас они были вынуждены покинуть поселение затворников и срочно выдвигаться обратно, в Саяногорск.

Викентьич не был удивлён, когда внезапно удалившийся Громов, вернулся уже с недовольным Митей. Именно чего-то похожего он и ждал от Мити, который, громко выражал свои эмоции:

– Я не преступник. Где свобода? И какое вы имели право засвечивать мою плёнку. Мою! Не вашу!

Громов долго не отвечал на истерику Мити, а потом резко и по-командирски выстрелил: – Всё сказал? А теперь заткнись и слушай!

Громов выждал паузу в несколько секунд и уже более мягким спокойным голосом продолжил:

– Радуйся, Митя, что у тебя всего лишь засветили плёнку. Здесь тайга и ты здесь ничего не стоишь. Завтра с рассветом вы покинете нас. И больше никогда, слышите, никогда здесь не появитесь. А Вам, Викентьич, должно быть стыдно, что потворствовали этому хитрозадому, ещё и меня хотели расспросами про язычество облапошить. Словом, вы легко пока отделались. Поэтому сегодня все ваши прогулки и экскурсии закончены. А завтра, как говорят, американцы, гоу хоум, товарищи, валяйте домой.

Викентьич понял, что их изгоняют, но не понимал, что же произошло. Громов кивком головы вызвал его на улицу. И там уже на крыльце почти шёпотом произнёс:

– Твой напарник – глуподыр. Зачем он самостоятельно полез в храм без разрешения?! Разве он не понимал, что вы для нас – пришлые, за вами всегда будет пригляд. Кроме меня здесь уйма других соглядатаев найдётся. И эта выходка с фотосъёмками?! Это же надо, какой Митя глупец! Или наглец! Ты знал об этом?

Викентьич отрицательно качнул головой.

– Я так и предполагал, – Громов задумался. – Но уже поздно, ничего не исправишь. Варфоломей решения обычно не меняет. Он очень зол на вас. Никакой встречи с ним не будет. Завтра вам нужно будет уходить. Будьте осторожны в дороге.

– Что ты имеешь в виду? И зачем ты мне это говоришь?

– Ничего не имею. Как говорится, задней мысли нет. Но почему-то тревожно мне за вас. Сам не понимаю почему. Сейчас мне необходимо покинуть вас. Надеюсь, Митя больше ничего не сотворит? Могу на тебя положиться?

Викентьич кивнул головой.

– Добро. Кушайте, отдыхайте, готовьтесь к сборам. Увидимся завтра, – Громов сошёл с крыльца и быстрым шагом удалился.

Вот так наша тройка была с утра выдворена из Града Сварога. Всю дорогу Викентьич и Митя молчали. С Мити сошла вчерашняя спесь, он всё-таки понимал, что неудача их визита к отшельникам заключена в нём. Извиняться перед Викентьичем за свою вылазку в храм сейчас

было бесполезно. Он знал, что Викентьич добр и простит его, но нужно было немного выждать. Поговорить на эту тему Митя планировал вечером в избушке охотников в тайге.

Злость Викентьича на Митю уже прошла. Но говорить с ним не хотелось. Викентьич думал о том, как создавшуюся ситуацию превратить в выигрышную. И как сделать из этого убойный журналистский материал, не подставив Громова. Не забывались почему-то и вчерашние слова Громова о том, что ему тревожно за них. Эта тревожность передалась и Викентьичу. И это не нравилось ему. Потому что было непонятно, каков характер этой тревоги и появилась она почему?

Спустя семь часов похода таёжные путешественники были уже близки к охотничьей избушке. Викентьич узнал об этом по большой кривой сосне, на неё он обратил внимание три дня назад. Вдруг Топой, шедший первым в колонне, резко затормозил, поднял высоко левую руку. «Тихо, молчать!» – поняли его Митя и Викентьич. Топой стоял неподвижно и к чему-то прислушивался. Спустя несколько минут он медленно повернулся и почти шёпотом отрубил: – Тихо. Бурый шатается.

Викентьич заметил невдалеке небольшие красные пятна на снегу, птичьи перья и большие-пребольшие следы. «Это же медведь!», – ударило мгновенно в мозг. Тут же подкосились ноги, и больно заныло в животе. Стало страшно ещё и от того, что Топой снял ружье и взвёл курок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.